

РАБОТА ТУРГЕНЕВА НАД РОМАНОМ «ДВА ПОКОЛЕНИЯ»

Статья Андре Мазона *

Замысел романа «Два поколения» вырос из задуманной Тургеневым комедии, которая осталась неосуществленной. Не приходится сомневаться, что именно эту комедию, под заглавием «Гувернантка, комедия в 5-ти действиях», Тургенев обещал Краевскому в письме от 22 октября/3 ноября 1849 г. для «Отечественных записок». О комедии говорится и в письмах к Краевскому от 13/25 декабря 1849 г. и от 10/22 января 1850 г. Тургенев пишет, что он продолжает работу, но вряд ли сможет закончить ее раньше, чем через шесть недель или два месяца. 23 марта/4 апреля он сообщает из Парижа, что рассчитывает окончить ее по возвращении в Россию, не упоминая на этот раз о сроке. Мне кажется справедливым предположение Ю. Г. Оксман, что Тургенев выдавал намерение работать над пьесой за уже осуществленное: он, очевидно, желал сдержать слово, данное редактору журнала, и вместе с тем выиграть время (Соч. 1930, т. IV, стр. 230). На самом деле пьеса была начата только в тот день, когда он давал в последний раз обещание Краевскому. «Начато 23-го марта 1850 в Париже» — так Тургенев собственноручно пометил перечень действующих лиц комедии «Компаньонка», записанный в тетради с черновым текстом пьесы «Студент» (ЦГАЛИ, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 95, лл. 135—136). Насколько нам известно, никто из друзей Тургенева не видел рукописи пьесы. Возможно, что она погибла при уничтожении бумаг, о котором Тургенев извещал Боткина в феврале 1857 г. Но возможно также, что Тургеневым был записан всего только перечень действующих лиц. Впоследствии об этой комедии не упоминается ни в переписке Тургенева, ни в воспоминаниях его друзей.

Однако действующие лица, фигурирующие в списке от 23 марта 1850 г. и обрисованные столь живо, продолжали занимать воображение писателя и требовали воплощения (аналогичный случай повторится позже, в Париже, в конспекте так называемой «Nouvelle abandonnée**»). Писатель медлил с выбором жанра, хотя намеченные лица и их взаимоотношения продолжали привлекать его творческое внимание.

Одна из парижских рукописей Тургенева представляет нам лиц, упомянутых уже в перечне персонажей неосуществленной комедии «Компаньонка». Некоторые лица перешли в замысел нового произведения с измененными именами. Рукопись не датирована. Но принимая во внимание, что Тургенев упоминает о новом произведении в письмах, начиная с октября 1852 г., можно отнести ее скорее к началу 50-х, нежели к концу 40-х годов, как я сперва предположил (М а з о н, pp. 54—55). Заглавие сочинения первоначально предполагалось прежнее — «Ком<паньонка>», но затем оно зачеркнуто и поставлено новое — «Два поколения». Это уже не комедия, а роман, но главным, или, по крайней мере, самым заметным лицом нового произведения осталась «компаньонка», Елизавета Михайловна, получившая здесь русскую фамилию: Богданова вместо Баум. На трех листах, вырванных из линованой тетради, набросан не только список действующих лиц, почти вполне сходный со списком персонажей комедии, но и аналитический план целого романа, часть за частью, глава за главой. Писатель намечает три части, приблизительно двадцать пять глав.

Этот роман был нам известен до сих пор лишь по названию, по несколькими упоминаниям в письмах Тургенева, по отзывам некоторых его друзей и, наконец, по одной главе, опубликованной в январской книжке «Московского вестника» 1859 г. (под названием «Собственная господская контора»). В сущности, именно эта единственная глава, при сравнении ее с планом и со свидетельствами друзей, и позволяет нам представить себе каким было это произведение. Мы вполне можем сказать: «каким было», ибо, в отличие от комедии, роман действительно был написан, во всяком случае, — его первая часть. Тургенев сам сообщал друзьям об этапах своей работы.

* Перевод с французского Е. А. Гунста.

** «Незавершенной повести» (франц.).

Первое такое сообщение встречается в письме к Феофистову от 27 декабря 1852/8 января 1853 г.: «...я теперь только что кончил третью главу <...> надеюсь кончить первую часть к марту». Пять глав были написаны к 10/22 января 1853 г. (письмо к Анненкову от того же числа); семь глав—к 22 января/3 февраля (письмо к С. Т. Аксакову от того же числа); в письме к Анненкову от 2/14 февраля — обещано прислать первую часть романа, как только она будет закончена, а 6/18 февраля Тургенев отвечает Некрасову и Панаеву на их просьбу «кое-что написать» для «Современника»: «... я погрузился по уши в свой роман и другого ничего не могу делать. Всё, что я могу сказать вам в утешенье — это то, что если этот роман когда-нибудь явится — то не иначе, как в вашем журнале, — но когда он явится — на этот вопрос нет решительно никакого даже вероятного ответа». В письме к Анненкову от 24 февраля/8 марта писатель сообщает: «... я всё это время писал свой роман с большим жаром и кончил 1-ю часть — 12 глав — страниц около 500». Он целиком погружен в роман: «...я заперся, как крот в свою нору — и работаю, как крот, роюсь и вожусь в недрах своего романа» (письмо к И. И. Панаеву от 6/18 марта). Текст романа переписывается, и автор безжалостно исправляет его. 23 апреля/5 мая он пишет Аксаковым, что роман переписывается, и добавляет к этому: «Сам я ничего не делал; перечитывал и исправлял написанные главы — безжалостно выкидывал всякое, не идущее к делу, сочинительское слово».

Первую часть Тургенев посылает Анненкову в конце мая (письмо к нему от 25 мая/6 июня); эту же рукопись он, при посредничестве Кетчера, переправляет С. Т. Аксакову (письма к нему от 5/17 июня и от 29 июня/11 июля). В письмах к Анненкову от 15/27 июня и С. Т. Аксакову от 30 августа/11 сентября Тургенев отвечает на сделанные ими замечания, а 6/18 октября обещает Аксакову зимой вновь приняться за работу, чтобы поправить первую часть и писать продолжение. То же обещание содержится в письме от 16/28 октября к Некрасову и Панаеву, в котором он извещает их также о получении рукописи романа от читавших ее друзей. 14/26 ноября писатель сообщает Аксакову, что рассчитывает приехать на зиму в Орел: «Я в Орел повезу также свой роман, который я во многом переделаю. Я немного охладел к нему — однако чувствую, что надо его кончить и развить те характеры и мысли, которые только еще обозначены в первой части».

Затем, после полугодового молчания, 2/14 июня 1855 г. Тургенев пишет С. Т. Аксакову, что намерен приняться снова за роман и «переделать его с основанья». А после нового, почти двухлетнего перерыва Тургенев получает 7/19 января 1857 г. предложение Чернышевского прислать для напечатания в «Современнике» «совершенно готовую первую часть романа». Однако роман так и не появился в печати (за исключением упомянутой главы в «Московском вестнике»).

Тургенев переживал в то время глубокий душевный кризис. Сокровенная причина этого кризиса неясна, но он вдруг утратил веру в себя, в свое писательское призвание, почувствовал отвращение к творчеству и решил уничтожить все свои творческие рукописи, планы и т. д. Его отчаяние выражено в письме к Боткину (Париж, 17 февраля/1 марта): «Таланта с особенной физиономией и целостностью — у меня нет, были поэтические струнки — да они прозвучали и отзвучали, — повторяться не хочется — в отставку!»

* * *

Текст «Двух поколений», по-видимому так и оставшийся в пределах первой части, вероятно, погиб в числе многих рукописей, уничтоженных 15 февраля 1857 г. Все же от этого «разгрома» уцелели «Искушение святого Антония», «Две сестры», «Русский немец и реформатор», «Степан Семенович Дубков», реестр черновиков с 1852 по 1855 г., реестр черновиков с 1857 по 1863 г., перечень персонажей и канва «Двух поколений».

Итак, в течение почти шести лет (1850—1855) этот замысел занимает видное место среди других планов Тургенева. Эти шесть лет, так сказать, переходное время; они как бы пограничная полоса между двумя этапами творчества писателя.

Тургенев не верит больше в свое призвание поэта так же, как он перестал верить, начиная с 1842 г. в свое философское призвание. Первые сочинения в прозе он создал с единственной целью понять и почувствовать современную Россию и показать ее та-

кою, какую он сам ее видит и чувствует; его целью было увидеть то, что есть в действительности, и изобразить эту действительность так, как живописец передает пейзаж или сценку, как правдивый рассказчик передает то, что он сам слышал. Это не искусство ради искусства, а искусство реальности, искусство ради правды; это литература без литературности.

С 1846 по 1852 г. он написал один за другим несколько рассказов, которые в 1852 г. были объединены в книгу «Записки охотника». Здесь он создал живую картину, картину дворянской и крестьянской Руси последних десятилетий крепостного права, он описал русскую землю и русских людей такими, какими их сделало прошлое, быт и николаевский режим — картину не менее суровую, чем главка Лабрюйера*, посвященная крестьянам, или какая-нибудь бытовая сценка Луи Ленэна**. Притом эта картина неизменно освещается гуманностью писателя, его уважением к достоинству человека, верою в будущность русского народа. В то же время Тургенев с поразительной легкостью, восхищавшей его друзей, проявил себя в сфере театра как создатель драматургических произведений, которым не страшен свет раппы. Он пишет поразительно живые сценки, одноактные пьесы и даже большую пятиактную комедию. Пьесы одноактные — это «Безденежье» (1846), с большим успехом исполненная в Париже в 1856 г., «Где тонко, там и рвется» (1848), «Нахлебник» (1848), который цензура не сразу разрешила напечатать (под измененным заглавием «Чужой хлеб» напечатан лишь в 1857 г.), «Холостяк» и «Завтрак у предводителя» (1849), «Разговор на большой дороге» и «Провинциалка» (1851); за ними следует большая пятиактная комедия «Месяц в деревне» (1855), выросшая после длительной работы из плана «Двух сестер».

Он уже мастер рассказа, правдивой, чтобы не сказать — пережитой, истории. Это мастерство он подтвердил в «Двух приятелях» и в «Муму» (1854). Он сумел в узких рамках краткого рассказа развернуть тему страсти в «Затишье» (1854) и в «Переписке» (1856), обнаружив при этом уверенность стиля и сдержанную мощь, напоминающие Пушкина (не забудем, что «Затишье» первоначально должно было называться «Анчар»). Та же тема страсти звучит в его «Фаусте» (1856), героиня которого повторяет в предсмертном бреду слова Гретхен. Ему удалось в «Нахлебнике» изобразить драму «чужого хлеба», драму компаньонов, гувернанток, учителей, студентов на кондичии, воспитанниц, прихлебателей — ту драму, которую в дальнейшем будут по-разному изображать многие русские драматурги, и в первую очередь — Островский. Пишет ли он повесть или рассказ — язык его всегда остается таким же непринужденным, таким же живым, как язык очевидца, таким же поэтичным, как язык его стихотворений. Пишет ли он комедию, тон, колорит его диалогов всегда соответствуют образам данных персонажей. Зрение и слух Тургенева развиты чрезвычайно: он видит и слышит своих героев, их походку и говор. Отныне его сферой станет проза; он одинаковый мастер в области повести, рассказа и комедии, ему остается только выбирать между ними.

Но перед писателем открывается еще один путь, и этот путь манит его к себе, потому что он просторнее и удобнее для его обширных замыслов: это роман. Тургенев предчувствует, что роман позволит ему, благодаря более широким рамкам, проявить себя в полной мере. Так решает он в отношении сюжета «Компаньонки»: из героини комедии его Елизавета Михайловна станет героиней романа, причем само название романа — «Два поколения» — обещает нечто большее, чем заурядные приключения девушки, окруженной поклонниками. Именно на этот роман имеется намек в письме к Феокистову от 2/14 апреля 1851 г.: «...я намерен долго ничего не печатать и посвящать себя по возможности большому произведению, которое буду писать *con amore****»

* Имеется в виду фрагмент о крестьянах в книге Лабрюйера (1645—1696) «Les Caractères, ou les Mœurs de ce siècle» (см. русский перевод: Ж. де Л а б р ю й е р. *Характеры, или Нравы этого века*. СПб., 1889, стр. 255). — *Ред.*

** Французский художник-реалист Луи Ленэн (Louis Le Nain; 1593—1648) писал преимущественно картины из крестьянской жизни: «Возвращение с сенокоса», «Трапеза крестьян», «Посещение бабушки», «Кузница», «Семейство молочницы» и др. (см.: В. Л а з а р е в. *Братья Ленэн*. Л.—М., 1936, стр. 255). — *Ред.*

*** с любовью (итал.).

и не торопясь — без всяких цензурных *arrière pensées* *...» В этом же письме он говорит о «Записках охотника», что они «прекращены навсегда». О том же романе Тургенев писал Луи и Полине Виардо 1/13 мая 1852 г. Он сообщает здесь о своем аресте, о предстоящей высылке в Спасское, о своем намерении изобразить русский народ и поработать над романом тем более свободно, что его не придется представлять в цензуру.

Письмо к Анненкову от 28 октября/9 ноября 1852 г. еще яснее говорит о его намерениях: «Надобно пойти другой дорогой — надобно найти ее — и раскланяться навсегда с старой манерой. Довольно я старался извлекать из людских характеров разводные эссенции — *triples extraits* — чтобы влить их потом в маленькие стекляночки — нюхайте, мол, почтенные читатели <...> Но вот вопрос: способен ли я к чему-нибудь большому, спокойному! Дадутся ли мне простые, ясные линии...»

И сопоставление дат, и признания Тургенева друзьям не оставляют никаких сомнений в том, что «большое произведение», которому писатель решил себя посвятить, это именно «Два поколения». Но беда в том, что при этом Тургенев брал на себя одновременно слишком много задач и не мог еще разрешить эти задачи достаточно успешно. Реализация плана, задуманного не вполне ясно и без учета различий, существующих между комедией и романом, по-видимому, разочаровала писателя. Работа над первым романом была трудной; некоторые друзья разделили с писателем его сомнения, так что в конце концов он вполне разумно отказался от нее и обратился вскоре к другим, более зрелым замыслам, а именно к «Рудину» (с июня 1855 г.) и в особенности к «Дворянскому гнезду» (с начала 1856 г.). Общеизвестно, как много личного вложил Тургенев в это последнее произведение; это подчеркнуто эпитафией, помещенным на парижской рукописи: «На что душа рождена, того бог и дал» (Кириша Данилов. «Песнь о князе Репнине») и, особенно, пометкой в конце: «С. Спасское. 27-го октября 1858, в 1 час пополудни, накануне того дня, когда мне стукнет 40 лет».

На титульном листе рукописи читаем: «Дворянское гнездо, повесть Ивана Тургенева. Задумана в начале 1856-го года; долго очень не принимался за нее, все вертел ее в голове; начал вырабатывать ее летом 1858-го года в Спасском. Кончена в понедельник 27-го октября 1858-го года в Спасском. 1858» (*М а з о н*, р. 15). И именно отсутствием этой гармонии между автором и его произведением, отсутствием радости и веры в предпринятое дело и объясняется отказ писателя от работы над «Двумя поколениями».

* * *

Что же означает заглавие «Два поколения», которое писатель не менял с того самого дня, когда решил писать вместо задуманной комедии роман? Это заглавие многообещающее, но, по правде сказать, не обоснованное. Нельзя видеть в нем прообраз замысла крупнейшего тургеневского романа «Отцы и дети». Это значило бы для писателя опередить эпоху на целое десятилетие. Идейное разногласие двух поколений не чувствуется ни в «Рудине», ни в «Дворянском гнезде», ни в «Накануне». Остроту этому конфликту придала позже обострившаяся социальная борьба и споры, вызванные реформой и подогретенные демократическим пылом радикальных критиков. Не может здесь идти речь и о романтическом конфликте, изображенном Тургеневым в поэме 1844 г. («Разговор»), где выступают старик, уже исчерпавший все радости жизни, и юноша, преждевременно состарившийся, разочарованный и стремящийся к одиночеству. Возможно ли думать, что автор имел в виду резкий контраст между сорокалетним любовником Василием Васильевичем и пылким двадцатилетним романтиком Дмитрием? Нет, противоречие, которое намечено заглавием романа, несомненно, проще и глубже. «Два поколения» это две группы разных людей, столкновение которых писатель наблюдал в Спасском в детстве, юности и даже позже, на той земле орловской, которую он как охотник сам исходил вдоль и поперек. Тут, с одной стороны, его мать со своим окружением — управляющими (их несколько), приживалками, свекшмиися

* задних мыслей (франц.).

с деспотическим режимом крепостничества и цинично охраняющими свои привилегии, даже и не подозревая их несправедливости; с другой стороны, — люди, подобные самому Тургеневу, еще молодые или приближающиеся к зрелому возрасту, суровые свидетели неблагоприятного образа действий старших, люди, уважающие человеческое достоинство крестьян, с которыми Тургенев в Спасском, как и Пушкин в Михайловском, близко и дружески общался. Среди них были молодые крестьяне, его товарищи по песням, по пляске и по охоте, иной раз истинные друзья, как Хорь и Калиныч, Касьян, Лукерья, мальчишки из «Бежина луга».

«Два поколения»? Но действительно ли о поколениях идет здесь речь? Не лучше ли сказать: два социальных типа, или — шире — два облика общества, два стана, и в каждом из них оказываются и молодые, и старые, стан животного себялюбия и стан гуманизма, мир Варвары Петровны и мир ее сына — два мира, так наглядно изображенные в «Записках охотника». Да, именно воспоминаниями о крепостничестве, как его понимали бесчеловечная мать писателя и его бабушка Сомова-Лутовинова, и порождена в значительной степени гуманность писателя и его уважение к личности русского мужика. Эти воспоминания не покидали его всю жизнь, а особенно в те годы, когда он создавал один за другим образы «Записок охотника». Память о Варваре Петровне вызывала в нем чувство ужаса и возмущения. 8/20 декабря 1850 г. он писал Полине Виардо о впечатлении, произведенном чтением дневника матери: «Какая женщина, друг мой, какая женщина! Всю ночь не мог сомкнуть глаз. Да простит ей бог все...»

Нет другого документа, в котором его мысли на этот счет были бы выражены более определенно, чем в сохранившейся единственной главе романа — «Собственная господская контора. Отрывок из романа». Отрывок мог бы войти в «Записки охотника» и притом как один из наиболее обличающих крепостничество. Здесь изображена, по-видимому, сама Варвара Петровна в окружении своих любимцев; она капризничает, а слуги соперничают, добываясь ее милостей, следят друг за дружкой, выдают один другого, и ревность их друг к другу доходит до ненависти: это борьба за первенство между бурмистром Павлом, барынным секретарем Леоном Ивановичем, которого на французский лад зовут «Леоном», и главным приказчиком Кинтилианом. Отрывок представляет собою одну из лучших в русской литературе картин барского произвола и помещичьего бюрократизма.

Кроме этой главы, под которой вполне мог бы подписаться Салтыков-Щедрин, что же еще известно нам об этом незавершенном романе? Перечень персонажей позволяет нам представить себе окружение барыни. Возле нее, богатой пятидесятидвухлетней вдовы, владелицы больших поместий, мы видим, кроме бурмистра (здесь он носит имя Онисима), Леопа, Кинтилияна, старого дворецкого, также и персонажей поважнее. Тут двоюродный брат покойного мужа, отставной штабс-ротмистр Василий Васильевич Гагин, который внезапно лишен права управлять барынинными имениями (а может быть и ее благосклонности?). Его преемник — бедный сосед, интриган, ставший фаворитом, Платон Егорович Чермак. У барыни есть сын Дмитрий Петрович, поручик в отставке, двадцати шести лет, еще в полном расцвете молодости, слабобольной и тщеславный; при нем состоят его бывший гувернер, старик-француз Дессер и товарищ, двадцатилетний бездельник Нилушка. В усадьбу недавно приехала в качестве компаньонки и чтицы двадцатичетырехлетняя девушка Елизавета Михайловна Богданова. К этому многочисленному обществу присоединяется еще несколько лиц: генеральша Катерина Федоровна Халабанская, нахлебница; Сергей Авдееч Стяжкин с женой Авдотьей Кузмичишной; восьмидесятидвухлетняя старуха-приживалка Васильевна; приятель Чермака из поляков Федор Маркелыч Моржак-Лендрыховский; мимоходом появляющийся молодой граф Дмитрий Павлович и молодой доктор Арсений Семёнович Шанский. Наконец, несколько слуг и детей: Аграфена Никитишна, главная служанка, лакей Егор, Суслик, девочки Маша и Пуфка. Всего двадцать четыре персонажа.

Что же касается действия, развертывающегося в романе, то о нем — хотя и неполно — говорит план, приложенный к перечню действующих лиц. Подробный план не сохранился, поэтому действие романа кажется нам незначительным, растянутым и

лишенным единства. Оно сводится к внутреннему конфликту, который разыгрывается в течение нескольких недель, летом, в большом деревенском доме помещицы Глафиры Ивановны, — конфликту одновременно и бытовому и любовному.

Публикуемый здесь впервые план «Двух поколений» содержит только схему и, конечно, не дает возможности представить себе роман в том виде, в каком он был известен некоторым друзьям Тургенева. Характеры действующих лиц определены в плане лишь в самых общих чертах, а в некоторых случаях и вовсе не раскрыты. Только те, которые действуют во второй главе 1 части (соответствующей «Собственной господской конторе»), предстают пред нами в полном свете. Точно так же и о содержании отдельных сцен, о смысле и, тем более, о тоне диалогов можно лишь догадываться.

Для полного понимания недостаточно кратких заметок, сделанных по-французски: «Scène d'amour» (1 гл. II части), или «Il est installé» (2 гл. II части), или реплик, заранее заготовленных автором, как «Я все знаю; вы играете с двумя — берегитесь!» (3 гл. II части) или «Спросите ее, любит ли она вас?» и «Обманул ли я вас, разве неправда, что Василий Васильевич ее любит?» (11 гл. III части), или «Чем вы будете и как жить?» (последняя, неумерованная глава). Самая выразительная реплика — это надменный возглас возмущенной Глафиры Ивановны: «Не я ли госпожа — все мое, мое, мое», но этот возглас не открывает ничего такого, чего бы мы уже не знали, и мы можем только сравнить деспотизм помещицы из «Двух поколений», матери Головлевых и престарелого больного дворянина из последнего «Стихотворения в прозе», который, сидя в кресле на колесиках, с гордостью говорит о деревьях, растущих в его парке, как о чем-то, что ему действительно принадлежит: «Мои деревья».

Чтобы узнать больше, нам нужна была бы помощь тех, кому Тургенев пересылал рукописи для чтения, приглашая высказать свое мнение. Но и отзывы этих друзей писателя не освещают содержания романа в полной мере, как нам того хотелось бы*.

Все же одна особенность четко выражена в плане романа «Два поколения». Это его связь с комедией «Месяц в деревне», связь не прекращающаяся в ходе ее последовательных изменений: «Две сестры», «Гувернантка», «Студент», «Две женщины». Параллелизм исходных точек в этих двух произведениях сразу бросается в глаза. Любовный конфликт, разыгрывающийся летом в деревне, в течение нескольких недель, в доме владелицы большого поместья. Благосклонность хозяйки (она то вдова, то замужняя, смотря по требованию цензуры) переходит от одного фаворита к другому. Разлад, вносимый присутствием девушки (в одном случае — компаньонки, в другом — воспитанницы), причем эта девушка становится невольной соперницей хозяйки. Интриги, которые плетутся вокруг этих двух женщин, ухаживания мужчин, юных или сорокалетних романтиков, то искренних, то корыстных. Благородная роль, предназначенная компаньонке или воспитаннице и студенту, помимо своей воли вовлеченным в конфликт, в котором их здравый смысл и прямота сталкиваются с умственной посредственностью и лицемерием среды, где они оказались. Наконец, общность развязки: пустота, образуемая вокруг хозяйки, всеми покинутой и оставшейся в одиночестве в своем большом доме (см. содержательный очерк Ю. Г. Оксмана о сценах и комедиях Тургенева — Соч. 1930, т. III, стр. 223—251 и примечания к комедии «Месяц в деревне» — т. IV, стр. 213—219; его же комментарии к сценам и комедиям. — Тург. АН. Сочинения, тт. II и III)**.

* Сводка мнений, полученных Тургеневым, дана ниже в послесловии Л. Н. Назаровой. — *Ред.*

** В то время как настоящий том «Лит. наследства» находился в производстве, вышел в свет VI том Тург. АН. Сочинения, в котором опубликован план «Двух поколений» по тому же автографу. Расшифровка ряда трудных для прочтения мест автографа, предлагаемая в настоящей публикации, в некоторых случаях расходится с текстом, напечатанным в Тург. АН. Так, например, в главе 4 части I мы печатаем: «Сцена с доктором» (вместо ошибочного: «Ссора с доктором»), в главе 2 (стр. 51) — «ходит» (вместо ошибочного: «хотите»), в предпоследней главе (стр. 51) — «м(ожет) быть знает» (вместо спорного: «который узнает») и т. д. — *Ред.*

ПЛАН РОМАНА: ДВА ПОКОЛЕНИЯ^{1*}

Начало: 12 июня 1845

Главные действующие лица:

1. Глафира Ивановна Гагина, 1793. (з<а>м<уж> в<ы>шла) 1818). НВ. Д<митрий> П<етрович>, ее муж, род<ился> 1799, <ум.> 1821^{2*}. 52^{3*} лет. (Г.) вдова, богатая помещица.
2. Дмитрий Петрович, 1819, ее сын. 26 лет. (Д.) Поручик^{4*} в отставке.
3. Платон Егорыч Чермак, 1805. 40 лет (Ч.) отставной надв<орный> советн<ик>, небог<атый>^{5*} помещик, сосед.
4. Василий Васильевич Гагин, 1801. — опр<еделился> к Г<лафире> И<вановне> в 1828^{6*}. 44 года. (В.) отстав<ной> шт<абс>ротм<истр>, двоюр<одный> брат покойн<ого>^{7*} мужа Глаф<иры> Ив<ановны>.
5. Елизавета Михайловна Богданова^{8*}, 1821. 24 года. (Е.) компаньонка.
6. Катерина Федоровна Халабанская, 1801. 44 года^{9*}. (Х.) бедная генеральша, нахлебница у Гагиной.
7. Нилушка, 1825. 20 лет. (Н.) неслужащий дворянин^{10*}, товар<ищ> Д<митрия> П<етровича>^{11*}.
8. М-г Dessert, 1775. 60 лет. (Ф.) Француз, бывший гувернер Д<митрия Петровича>.
9. Сергей Авдеич (Авдотьи ч)^{12*} Стяжкин, 1800. 45 лет. (С.) небогатый сосед, паразит.
10. Авдотья Кузьминична, 1803, его жена, 42 лет. (А.)
11. Федор Маркелыч Моржак-Лендрыховский, 1797. 48 л<ет>. (М.) приятель Чермака.
12. Кинтилиян, 1791, управляющий, 54 л<ет>. (К.)
13. Леоп, 1819, секретарь, 26 л<ет>. (Л.)
14. Васильевна, 1763. 82^{13*} л<ет>. (Ва.) старуха приживалка.
15. Метр-Жан, он же и Свергибусь, 1780. 65 л<ет>. (МЖ.) дворецкий.
16. Аграфена^{14*} Никитишна, 1815, главная служанка. (А.)^{15*} 30 лет.
17. Пуфка, 1839, девушка. 6 лет.
18. Суслик, 1830, мальчик. 15 л<ет>.
19. Маша, 1832, девушка. 13^{16*} л<ет>.
20. Егор, 1821, лакей. 24 л<ет> и т. д.
21. Граф Дмитр<ий> Павлович^{***} 17* 1817. 23^{18*} лет.

^{1*}Перед заглавием начато и зачеркнуто: Ком<паньонка> ^{2*}1821—исправлено из: 1825; 1793 ∞ 1821 — вписано позднее над строкой; годы рождения других действующих лиц далее всюду также вписаны позднее, над строками. В инициалах мужа Гагиной Тургенев допустил, очевидно, опisku — должно было быть, вероятно: — П<етр> Д<митриевич> ^{3*}52 — исправлено из: 50 ^{4*}Поручик — зачеркнуто и восстановлено; сверху начато и зачеркнуто: Кор<нет> ^{5*}небогатый — вписано позднее над строкой ^{6*}определился ∞ 1828 — вписано позднее над строкой ^{7*}покойного — вписано позднее над строкой ^{8*}Богданова — вписано позднее карандашом на оставленном свободным для фамилии месте ^{9*}Далее начато и зачеркнуто: бе<дная> ^{10*}Далее зачеркнуто: protégé г-жи Гагиной ^{11*}товарищ ∞ Петровича — вписано позднее карандашом ^{12*}Авдеич (Авдотьи ч) — вписано позднее над строкой вместо зачеркнутого: Сергеич ^{13*}82 — исправлено из: 60 ^{14*}Аграфена — исправлено из: Авдотья ^{15*}А. — исправлено из: Ав.; далее начато и зачеркнуто: служ<анка> ^{16*}13 — исправлено из: 14 ^{17*}Дмитрий Павлович — вписано позднее над строкой карандашом вместо зачеркнутого: Владимир Николаевич ^{18*}23 — исправлено из: [20]28

22. Доктор — Арсений^{19*} Семеныч Шанский, 1817.
28 л<ет>.
23. Онисим, 1807, бурм<истр>. 38^{20*} и пр.
Охотник Владимир.
Васильевна (барометр)^{21*}.

ЧАСТЬ 1-ая

Глава 1-ая^{22*}. а) Описание кабинета Г<агиной>. — Суслик и Маша прибирают. Разговор. — Авд<отья> появляется на мгновенье^{23*}. — Входит Глафира Ив<ановна>. — Чай. — Х<алабанская> является. (Описание Х<алабанской>.) Разговор о новой компаньонке (lectrice). Приготовление к обеду. Звонки: — Пуфка. Ее вольности. — (Дмитрия Петр<овича> дома нет.) Васильевна, Авд<отья>^{24*}. — Г<агина> хочет заниматься. — б) Переход в контору. Léon. Кинтильян. Гнев; неудовольствие. — Требуется Васил<ий> Васильевич^{25*}.

Глава 2-ая^{26*}. Сцена между Г<агиной> и В<асилием> Васильевичем. — В<асилий> Васильевич уходит и бросается на постель в своем флигеле. — Г<агина> посылает за Чермаком.

Глава 3-ья^{27*}. Описание В<асилия> Васильевича. Его жизнь.

Глава 4-ая^{28*}. а) Е<лизавета> Михайловна подбъезжает к дому. Описание дома и сада. Короткое^{29*} описание Е<лизаветы> Михайловны. — Как ее встречают. — Комната ее. Обед. Она представляется Г<агиной>. — б) Сцена с доктором перед обед<ом>^{30*}. Обед. Дм<итрий> Петр<ович> приезжает к обеду с охоты с Нилушкой. — Старик Дессер. Чтение $\frac{1}{4}$ часа перед сном. Она одна в своей комнатке. — Маша. — (Советует идти к Х<алабанской>.)

Глава 5-ая^{31*}. Ее жизнь до тех пор.

Глава 6-ая^{32*}. а) Утро в саду. Е<лизавета> Михайловна свободна до 10 часов. — Д<митрий> П<етрович> с Нилушкой встречают Е<лизавету> Михайловну в саду. Колкий разговор^{33*}. — Х<алабанская> присылает за Е<лизаветой> Михайловной. — Неприятное объяснение. — б) Г<агина> присылает за ней. Разговор^{34*}. В 11 ч<асов> желает быть одна. — Чермак приезжает.

Глава 7-ая^{35*}. Г<агина> и Чермак. Инстинкт^{36*}. Призывается Василий Васильевич^{37*}. — Г<агина> в духе. Объявляется на вечер partie de plaisir.

Глава 8-ая^{38*}. Описание partie de plaisir. Д<митрий> П<етрович> уезжает один^{39*}. Е<лизавета> Михайловна, к удивленью, нравится всем и завоевывает всех, начиная с самой Г<агиной> — исключая Ч<ермака>, который притворяется, что она ему не нравится. Нилушка восхищен. Д<митрий> Петрович возвращается поздно. — Отзыв ему матери об Е<лизавете> Михайловне.

^{19*}Арсений — вписано позднее над строкой вместо зачеркнутого: Аполлон
^{20*}38 — исправлено из: 40 ^{21*}Последние две строки вписаны позднее на листе, повернутом
нижней стороной вверх ^{22*}На полях вписано: Кабинет; ниже, на полях
же вписано: Эту главу на две. ^{23*}Авдотья ∞ мгновение — вписано над строкой
вместо зачеркнутого: Léon; далее поставлен знак: б) и зачеркнут ^{24*}Далее зачерк-
нуто: Léon ^{25*}На полях против этих строк вписано столбцом: Конт<ора>;
Г<лафира> И<вановна> и В<асилий> В<асильевич>; Пр<ошло> 20 лет; В<зять>?
наз<ванием>; Приезд; Обед; наук и муха; собак продали ^{26*}Сверху вписано: 3
^{27*}Сверху вписано: 4 ^{28*}Сверху вписано: 5; на полях вписано: Кроме В<асилия>
В<асильевича> — никакого друга. — Эту главу на две. ^{29*}Короткое — вписано
позднее на полях ^{30*}Сцена ∞ обедом — вписано позднее над строкой. ^{31*}Сверху впи-
сано: 7 ^{32*}Сверху вписано: 8; на полях вписано: Эту главу на две. ^{33*}Далее на-
чато и зачеркнуто: Кат<ерина> ^{34*}Разговор — вписано позднее на полях ^{35*}Свер-
ху вписано: 10 ^{36*}Инстинкт — вписано позднее над строкой ^{37*}Далее начато и
зачеркнуто: О<на> ^{38*}Сверху вписано: 11 ^{39*}Один — вписано вместо зачеркнуто-
го: с Нилушкой

Глава 9-ая ^{40*}. Через несколько дней Чермак отправляется на *ревизию*. Приезжают Стяжкины. Житье в течение месяца ^{41*}. — В(асилий) В(асильевич) безмолвно ^{42*} влюбляется в Е(лизавету Михайловну). Обращение с ней Д(митрия) П(етровича). Описание Д(митрия) П(етровича) ^{43*}.

ТУРГЕНЕВ

Рисунок Полины Ввардо, конец 1850-х годов

Собрание г-жи Анри Больё, Париж

Глава 10-ая ^{44*}. Сцена с Нилушкой. На другой день объяснение с Д(митрием) П(етровичем). Кончается тем, что он ей открывается в любви.

Конец 1-й части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1-ая. Два месяца прошло. (Конец августа.) Описание этих двух месяцев. — Х(алабанская) ненавидит Е(лизавету Михайловну); Г(агина) к ней привязалась. — Чермак *наезжает*. — Положение тяжелое В(асилия) В(асильевича). Нилушка. — Д(митрий) П(етрович). — Он верит в честность Чермака ^{45*}. — Характер Е(лизаветы Михайловны). *Scène d'amour* ^{46*}. (Она декламирует стихи... Ее неожиданная экзальтация...)

Глава 2-ая. Решительная атака Чермака. *Il est installé* ^{47*}. — Сцена между Ч(ермаком), Е(лизаветой Михайловной) и В(асилием) В(асильевичем). В(асилий) В(асильевич) изгоняется в другую деревню. *Exit*

^{40*}Сверху вписано: 12   ^{41*}месяца — зачеркнуто и восстановлено   ^{42*}безмолвно написано вместо начатого: вл(юбляется)   ^{43*}Описание ∞ Петровича — вписано позднее карандашом   ^{44*}Сверху вписано: 13   ^{45*}Он ∞ Чермака — вписано позднее над строкой.   ^{46*}Любовная сцена (франц.); вписано позднее над строкой   ^{47*}Он устроен (франц.)

honorable ^{48*}. — Прощание В<асилия> В<асильевича> с Е<лизаветой Михайловной> вечером у окна — плачет и целует ее руку.

Г л а в а 3-ья. Объяснение Ч<ермака> с дворовыми людьми. — Он их собирает — отпускает — и отправляется в сад. — В саду он встречается Е<лизавету Михайловну>. — Объяснение с ней. — Он грозит ей: «Я все знаю; вы играете с двумя — берегитесь!». — Ему известно вчерашнее прощание. Он ее принимает за интриганку — это полуошибка ^{49*}. Приход Дм<итрия> Петр<овича>. — Она убегает и встречается с Десером ^{50*}.

Г л а в а 4-ая. Разговор с ним. Она уходит в свою комнату. — Между тем Чермак остался с Д<митрием> П<етровичем>. Его разговор с ним. — Д<митрий> П<етрович> косвенно узнает о страсти В<асилия> В<асильевича>. — Подозрения. — Он благодарит Чермака.

Г л а в а 5-ая. Е<лизавета Михайловна> избегает Д<митрия Петровича>. — Чермак действует на него. Он видит, что Д<митрий Петрович> влюблен в Е<лизавету Михайловну> ^{51*}. Д<митрий Петрович> наблюдает за ней. — Притворяется в беседке спящим. — Она стоит перед ним — пожимает плечом... Сцена с проезжим графом. — Описание состояния Е ^{52*} <лизаветы Михайловны>. Любит ли она Д<митрия Петровича>. — Он вдруг с ней груб. — Потом уезжает.

Г л а в а 6-ая. Возрастающее могущество Чермака. Приезд Моржака ^{53*}. Сцена с Леоном. — Léon в солдаты. — Е ^{54*} <лизавета Михайловна> видит, как его увозят в тележке. В тот самый день объяснение Ч<ермака> с нею. — Черм<ак> бы не прочь ее иметь, но несколько ее не любит ^{55*}. Они оба вспыхивают и расходятся врагами... Между тем Д<митрий Петрович> возвращается между 2-мя грозами...

Г л а в а 7-ая. Чермак и Моржак. Его советы. — Он их не слушает и призывает Х<алабанскую> ^{56*}. Чермак и Халабанская. — Х<алабанская> доводит до сведения Г<агиной> любовь Д<митрия> П<етровича>. Та это презирает и не верит — призывает сперва сына, потом Е<лизавету Михайловну> и очень довольна обоими, особенно Е<лизаветой Михайловной>. Уходя, в зале, жестокий < ? > короткий ^{57*} разговор Д<митрия Петровича> и Е<лизаветы Михайловны> о В<асилии> В<асильевиче>, которого Д<митрий Петрович> возненавидел ^{58*}. Они давно не говорили друг с другом.

Г л а в а 8-ая. Разговор Д<митрия Петровича> с Ч<ермаком>. Он в отчаянье. — Наглое спокой<ствие> и вкрадчивость Чермака. — Д<митрий Петрович> идет к Е<лизавете Михайловне> и требует свиданья. Свиданье назначено вечером, в саду, под яблонями.

Конец 2-й части

ЧАСТЬ 3-я ^{59*}

Г л а в а 9-ая. Свиданье. — В тот самый вечер Стяжкины, которые уже 2 недели как в Гагине ^{60*}, с девк<ами> хотят красть яблоки. Они всё видят. Сторож их прогоняет. Объяснение Е<лизаветы Михайловны>

^{48*} Почетная ссылка (франц.) ^{49*} Он ∞ полуошибка — *вписано позднее над строкой*
^{50*} Далее зачеркнуто: Разговор с ним. О<на>: ^{51*} Он ∞ в Елизавету Михайловну — *вписано позднее над строкой* ^{52*} Е. — *исправлено из: Д.* ^{53*} Приезд Моржака — *вписано позднее над строкой* ^{54*} Е. — *вписано над строкой вместо зачеркнутого: Она* ^{55*} Чермак ∞ не любит — *вписано над строкой вместо зачеркнутого: Как, в самый тот день, когда я видела несчастного!..* ^{56*} Чермак ∞ Халабанскую — *вписано позднее над строкой* ^{57*} короткий — *вписано позднее над строкой* ^{58*} о Василии ∞ возненавидел — *вписано позднее над строкой* ^{59*} Конец 2-й части и Часть 3-я — *вписано на полях; граница частей показана чертой, отделяющей главу 8-ю от 9-й; первоначально черта была проведена между главами 7-й и 8-й* ^{60*} которые ∞ в Гагине — *вписано позднее над строкой*

и Д<митрия Петровича>. Граф ^{61*}. Она ему говорит о Чермаке. — Он не верит — оба расходятся очень дурно, хотя Д<митрий Петрович> сильно потрясен.

Глава 10-ая. Стяжкины все доводят до сведения Гагиной. Чермак призывается. — Он сидел с Моржаком... «Теперь велико колясочку справиться». ^{62*} — Он советует все оставить как есть и только со временем удалить Е<лизавету Михайловну>... Притом Д<митрий Петрович>. Известен его слабый характер... Г<агиной> — однако ужасно тяжело — она пишет к В<асилию> В<асильевичу>. Просит его приехать.

Глава 11-ая. Черм<ак> желает объяснения с Е<лизаветой Михайловной>. Она соглашается. — ^{63*} Объяснение... Спрятанный Д<митрий Петрович> (Е<лизавета Михайловна> не знает, что он спрятан ^{64*}) врывается в комнату и изгоняет его вон с позором. «Спросите ее, любит ли она вас?» — кричит он выходя. — Обманул ли я вас, разве неправда, что В<асилий> В<асильевич> ее любит?.. ^{65*} Е<лизавета Михайловна> тотчас хочет идти к Г<агиной>, чтобы отказаться от дому. — Д<митрий Петрович> умоляет ее пощадить его... — Она соглашается ^{66*}. Приготовления к битве. ^{67*}

Глава 1-ая ^{68*}. Г<агина> в конторе с Кинтилияном, который доносит на Ч<ермака>. Ч<ермак> входит. Он забегает зайцем — сообщает ей случившееся вчера, объявляет, что не может остаться... Г<агина> в негодование против сына, утешает Ч<ермака>. — «Не я ли госпожа — все мое, мое, мое...» Объявляется о приезде В<асилия> В<асильевича>.

Глава 2. Объяснение Г<лафиры> И<вановны> с В<асилием> В<асильевичем>. — Он долго сидит неподвижно, в прежней обычной своей позе... вдруг выпрямляется — ходит — показывает свою обнаженную руку Х<алабанской>. Изумление Г<лафиры> И<вановны>. — В<асилий> В<асильевич> велит призвать Чермака.

Глава... ^{69*} Чермак входит. — Страшная сцена ^{70*}. В<асилий> В<асильевич> (может быть знает о пол<ожении>?) Е<лизаветы Михайловны> ^{71*} его схватывает, вытаскивает, сажает на телегу — воп его! — Прибыл Д<митрий Петрович>. К нему обращается испуганная Г<агина>... Раздр<аженный> Д<митрий Петрович> тоже спасается — и уезжает. — «Эти вот, — указывая на крепостных, — не могут...» Е<лизавета Михайловна> уезжает. — Г<агина> остается одна.

Глава... Е<лизавета Михайловна> приезжает в Москву... Ее пребывание там. Д<митрий Петрович> ее отыскивает... Известие о см<ерти> Гагиной. — Сцена между ним и ею. — Она отказывается от него. — В<асилию> В<асильевичу> отказывает тоже. — Чем вы будете и как ^{72*} жить? С<тяжкин> пере<дает>? В<асилию> В<асильевичу> ^{73*}.

Д<митрий Петрович> возвращается в деревню с В<асилием> В<асильевичем>. — Е<лизавета Михайловна> уезжает за границу... Черм<ак> — на службу.

^{61*} Граф — вписано позднее над строкой; после: Граф начато слово «нрзб.». ^{62*} Он сидел ∞ справиться — вписано позднее над строкой ^{63*} Далее начато и зачеркнуто: и ^{64*} Елизавета ∞ спрятан — вписано позднее над строкой ^{65*} «Спросите ∞ любит» — вписано позднее над строкой. ^{66*} Далее зачеркнуто: Великие ^{67*} Далее зачеркнут заголовок: Часть третья ^{68*} После удаления заголовка нумерация дальнейших глав не была изменена. ^{69*} Отсюда и до конца написано карандашом и местами стерто ^{70*} Страшная сцена — вписано позднее над строкой ^{71*} может быть ∞ Елизаветы Михайловны — вписано позднее над строкой ^{72*} и как — вписано позднее над строкой ^{73*} Стяжкин ∞ Васильевичу — вписано позднее под строкой

О РОМАНЕ «ДВА ПОКОЛЕНИЯ»

Послесловие Л. Н. Назаровой

В литературе, посвященной романам Тургенева, нередко встречаются упоминания о не дошедшем до нас романе «Два поколения», с первой частью которого были знакомы некоторые из современников писателя. Еще Н. М. Гутьяр в статье «И. С. Тургенев в ссылке (1852—1853 гг.)» сделал попытку хотя бы в общих чертах раскрыть содержание этой первой части романа, основываясь на критических отзывах С. Т. и К. С. Аксаковых, а также Анненкова, содержащихся в их письмах к Тургеневу. Гутьяр писал: «Действие происходит в деревне в богатом помещичьем доме, с подробного описания которого и начинается автор свой роман. Хозяйка его, Глафира Ивановна, женщина характера тяжелого, взбалмошная и непоследовательная, она производит впечатление чего-то отталкивающего, патологического. Деспотичная и не привыкшая уважать окружающих, она оказывает особенное доверие лишь соседу своему Чермаку — одному из главных героев романа. В невеселый дом ее вливается оживляющая струя с приездом лектрисы, Елизаветы Михайловны, девушки милой и грациозной. При счастливой наружности она отличается твердостью ума и характера, проявляя при этом некоторую пугливость к окружающим. Появление этого лица в семье невозможной барыни останавливает всеобщее внимание, она на многих производит сильное впечатление и прежде всего на 26-летнего сына Глафиры Ивановны — Дмитрия Петровича. Последний, воспитанный под тяжелой опекой своей матери, является человеком с слабым, капризным характером. Будучи неиспорченным по натуре, он не умеет и не может быть прямым и естественным. Застенчивый по природе, он часто груб и резок в обращении. Обладая живым нравственным чувством, он в состоянии нередко поступать вопреки ему. Воображая себя озлобленным, он в сущности лишь боится сознаться, что не может уважать себя. Капризно влюбляясь в Елизавету Михайловну, он так же капризно, по плану автора, впоследствии и ненавидит ее. Кроме названных лиц в первой части выступают еще: управляющий имением Глафиры Ивановны — Василий Васильевич, француз, доктор, Леон (секретарь барыни), бурмистр Павел*, какой-то Нилушка и другие»¹.

Позднее Н. Н. Фатов в статье «Рукопись „Студента“ Тургенева» опубликовал список действующих лиц задуманной, но не написанной Тургеневым комедии «Компанийка»². Почти одновременно с этим Н. Л. Бродский напечатал тот же список в статье «Тургенев-драматург. Замыслы»³. Сопоставив его с теми же письмами к Тургеневу Аксаковых и Анненкова, а также Боткина и с отрывком из романа, напечатанным автором в 1859 г. под названием «Собственная господская контора», Н. Л. Бродский пришел к выводу, что Тургенев в романе «Два поколения» «обработал в повествовательной форме сюжет <...> комедии „Компанийка“», начатой в Париже 23 марта 1850 г.

Ю. Г. Оксман, высказав мнение о том, что Тургенев в письмах к Краевскому 1849—1850 гг. давал неточную информацию о ходе работы над комедией «Гувернантка», предназначавшейся для «Отечественных записок», отождествил замысел этой пьесы с замыслом «Компанийки». Далее исследователь также утверждал, что материалы этой незаконченной комедии были использованы Тургеневым в его романе 1852—1853 годов⁴.

Публикуемый проф. А. Мазоном в настоящем томе план романа позволяет несколько уточнить и дополнить справедливые выводы Н. Л. Бродского и Ю. Г. Оксмана. Так, сопоставляя перечни действующих лиц романа «Два поколения» и комедии «Компанийка», можно заметить, что многие из них перешли в роман даже без изменения фамилий. Это Халабанская, Нилушка, m-r Dessert, Моржак-Лендрыховский, Кинтилиян, Léon, Васильевна, Метр-Жан (Свергибусь), Маша, Пуфка и Суслик. У некоторых из главных героев остались те же имена и отчества, но изменились фамилии. Так, например, Глафира Ивановна Гагина в списке действующих лиц «Компанийки» именовалась Звановой; ее сын Дмитрий Петрович и двоюродный брат мужа, Василий Васильевич, также были Звановыми. Платон Егорыч Чермак был Чигасовым, Елизавета

* В плане он носил имя Онисим — см. выше, стр. 46.

Михайловна Богданова носила фамилию Баум, чета Стяжкиных в «Компаньонке» именовалась Подключаяевыми и т. д. В перечень действующих лиц романа Тургенев включил и несколько новых персонажей, отсутствовавших в комедии, а именно: Егора, графа Дмитрия Павловича (ранее он был назван Владимиром Николаевичем), доктора Шанского, бурмистра Онисима, охотника Владимира.

Из плана видно, что Тургеневым был задуман роман в трех частях, состоящий в общей сложности из 25 глав. Началом действия романа «Два поколения» было намечено 12 июня 1845 г. Это дало основание А. Мазону в 1930 г. отнести написание плана романа приблизительно к концу 40-х годов⁵. Предположение исследователя как будто подкреплялось и письмом Некрасова к Тургеневу от 17/29 декабря 1848 г. Желая получить это произведение для «Современника», Некрасов запрашивал Тургенева: «Напишите, как называется ваш роман, чтоб можно было объявить, если хотите дать его нам, на что я и надеюсь»⁶.

Однако, принимая во внимание, что «Компаньонка» была начата в 1850 г., план романа «Два поколения», которому предшествует перечень действующих лиц, почти совпадающий, как уже говорилось выше, со списком действующих лиц комедии, следует датировать также временем не ранее 1850 г., вернее, началом 50-х годов, как справедливо указывает Андре Мазон (см. наст. том, стр. 39). Мазон же сообщил, что в маленькой тетрадке, состоящей из десяти листов, под названием «Мемориал» (см. о нем далее) написаны (на 1-м листе) следующие слова, расположенные в форме заголовка, который не датирован: «Борис Вязовнин, или Два поколения, роман И. Тургенева»⁷. Как известно, это же имя носит герой повести «Два приятеля», над которой писатель работал между 15 октября и 17 ноября 1853 г. (автограф хранится в Париже)⁸. На основании записи в «Мемориале» М. К. Клеман в «Хронологическом указателе литературных работ и замыслов И. С. Тургенева» отметил связь между повестью «Два приятеля» и романом «Два поколения»⁹. Почти аналогичная запись — «Борис Вязовнин. Роман. Глава первая» — сделана Тургеневым на полях оборотной стороны второго листа чернового автографа рассказа «Гамлет Шигровского уезда», относящегося к 1848 г.¹⁰ А. Г. Цейтлин, опираясь на эту запись, пришел к ошибочному, на наш взгляд, мнению о том, что еще до «Двух поколений» у Тургенева «создался замысел другого романа»¹¹.

Полагаем, однако, что в конце 1840-х — начале 1850-х годов у Тургенева имелся замысел лишь одного романа, того самого, план которого публикуется выше. Что же касается записей в «Мемориале» и на полях чернового автографа «Гамлета Шигровского уезда», то они свидетельствуют лишь о том, что у Тургенева были колебания в выборе фамилии для главного героя романа: в плане — и в заголовке и в перечне действующих лиц — Борис Вязовнин отсутствует; место его занял Дмитрий Петрович Гагин.

Анализ плана приводит к выводу, что задуман был роман социально-психологический, но значительно отличающийся от последующих тургеневских романов (в особенности, от «Рудина» и «Дворянского гнезда»), в центре которых стоит передовой деятель или рефлектирующий герой, подобный герою рассказа «Гамлет Шигровского уезда» или Чулкатуруну из «Дневника лишнего человека».

В романе «Два поколения» Тургенева интересовал, по-видимому, не столько Дмитрий Петрович Гагин, у которого в плане отмечен «слабый характер», в его столкновении с сильной женщиной (Елизавета Михайловна), сколько изображение помещичье-крепостнического быта. Живя в Спасском-Лутовинове, писатель имел широкие возможности наблюдать этот быт. Мать писателя явилась прототипом Глафиры Ивановны Гагиной, крутой и деспотичной помещицы, неограниченно властвующей не только над своими крепостными, но и над приживальками и мелкопоместными соседями-помещиками, а также над сыном, Дмитрием Петровичем, и двоюродным братом мужа — Василием Васильевичем. Прототипом последнего был, очевидно, дядя писателя — Н. Н. Тургенев, а прототипом Дмитрия Петровича в известной степени является брат писателя Н. С. Тургенев. Чертами же характера его будущей жены — А. Я. Шварц, служившей в качестве камеристки у В. П. Тургеневой, писатель воспользовался при создании образа лектрисы Елизаветы Михайловны Богдановой. Не случайно он соби-
рался вначале (см. перечень действующих лиц «Компаньонки», мало отличный от

такого же в плане романа «Два поколения») дать ей фамилию Баум, указывающую на ее немецкое происхождение (А. Я. Шварц также происходила из прибалтийских немцев); конторщика Варвары Петровны Леона (Льва) Лобанова Тургенев сделал секретарем Гагиной, даже не изменив его имени.

Работа над составлением плана и созданием первой части романа протекала в тот период, когда Тургенев постоянно читал и перечитывал Гоголя, когда создавались последние из рассказов, вошедших в «Записки охотника», а также «Муму» и «Постоялый двор». В романе «Два поколения», насколько возможно судить о нем на основании плана, также должен был совершенно отчетливо проявиться именно гоголевский метод сатирического изображения не отдельных героев, а всей окружающей их социальной среды. «В них я, если смогу, постараюсь выразить современный быт, каким он у нас *выродился*», — сообщал Тургенев 30 августа/11 сентября 1853 г. С. Т. Аксакову.

Как уже было сказано выше, первое упоминание о романе Тургенева, предназначенном, по-видимому, для «Современника», встречается в письме к нему Некрасова 1848 г., и хотя публикуемый план романа составлен Тургеневым не ранее 1850 г., замысел романа относится, вероятно, действительно, к концу 40-х годов.

О том, что Тургенев размышлял о больших жанрах — повести и романе — еще несколько ранее, в 1847 г., косвенно свидетельствует его рецензия на «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского». В ней отмечалось, что В. И. Далю не всегда удаются его «большие повести», в которых необходимо «связать и распутать узел, представить игру страстей, развить последовательно целый характер»¹². Большая статья о романе Е. Тур (Е. В. Салиас) «Племянница», появившаяся в январской книжке «Современника» 1852 г., также свидетельствовала о пристальном внимании Тургенева к жанру романа. В этой статье писатель высказал свои мысли по поводу дальнейшей судьбы русского романа. Проанализировав четыре типа европейского романа, связанные с именами Вальтера Скотта, Дюма, Жорж Санд и Диккенса, с точки зрения их формы, их художественной структуры для объективного изображения русской общественной жизни середины XIX в., Тургенев приходит к определенным выводам. Отвергнув роман Вальтера Скотта, который «отжил свой век» и «не современен», он обходит «молчанием» романы «à la Dumas», также считая их художественную форму непригодной для осуществления задач, стоящих перед русской романистикой. Что же касается романов «сандовского» и «диккенсовского» типа, то Тургенев считал, что «эти романы у нас возможны и, кажется, примутся». У писателя, однако, существовало сомнение в том, достаточно ли «высказались уже стихии нашей общественной жизни, чтобы можно было требовать четырехтомного размера от романа, взявшегося за их воспроизведение». Тургеневу казалось, что «успех в последнее время разных отрывков, очерков, кажется, доказывает противное. Мы слышим пока в жизни русской отдельные звуки, на которые поэзия отвечает такими же быстрыми отголосками»¹³.

Однако, несмотря на эти сомнения в возможности создания в России в то время социального романа, Тургенев именно в начале 50-х годов переходит в своем творчестве от очерка и рассказа к произведению крупного жанра — повестям («Дневник лишнего человека», 1851; «Постоялый двор», 1852; «Два приятеля», 1853) и роману «Два поколения» (1852—1853). «Записки охотника», вышедшие отдельным изданием в августе 1852 г., были для Тургенева уже пройденным этапом, что сознавал и сам писатель и его литературные друзья. Так, например, Анненков писал Тургеневу 12/24 октября 1852 г.: «Я решительно жду от вас романа с полною властью над всеми лицами и над событиями и без наслаждения самим собою (т. е. своим авторством), без внезапного появления оригиналов, которых вы уже чересчур любите <...> И такой роман вы напишете непременно»¹⁴. Московские друзья Тургенева также ждали от писателя произведения большого жанра. В частности, Е. М. Феокистов, прочитав в «Современнике» рассказы «Касьян с Красивой Мечи» и «Бежин луг» (которые ему очень понравились), тем не менее писал Тургеневу еще 30 марта/11 апреля 1851 г. о том, что пора «переменить род», что «ужасно хочется прочесть какую-нибудь большую повесть», вышедшую из-под его пера¹⁵.

Тургенев не оставался безучастным к пожеланиям друзей, к тем надеждам, которые возлагались ими на его дальнейшее творчество. Собираясь в Спасскую ссылку, он

сообщал Луи и Полине Виардо 1/13 мая 1852 г., что в деревне будет «работать над своим романом». Прошло, однако, много времени, прежде чем писатель взялся за этот труд. Начиная работу над романом, Тургенев испытывал большие сомнения на этот раз уже не в «стихиях общественной жизни», а в собственных силах и возможностях. 16/28 октября 1852 г. он писал К. С. Аксакову: «Простота, спокойство, ясность линий, добросовестность работы, та добросовестность, которая дается уверенностью — всё это еще пока идеалы, которые только мелькают передо мной. Я оттого, между прочим, не приступаю до сих пор к исполнению моего романа, все стихии которого давно бродят во мне — что не чувствую в себе ни той светлости, ни той силы, без которых не скажешь ни одного *прочного* слова».

Плотную Тургенев приступил к написанию первой части романа, по-видимому, не ранее ноября 1852 г. Через полгода первая часть романа была закончена и переписана (см. сводку данных, относящихся к работе Тургенева над романом, в предисловии А. Мазона к публикации плана—наст. том, стр. 39—40). За два дня до отправки рукописи Анненкову, 25 мая/6 июня 1853 г. Тургенев с волнением спрашивал его: «Попал ли я в тон романа — вот что главное. Тут уж частности, отдельные сцены не спасут сочиненья, роман — не растянутая повесть, как думают иные». Писатель был заинтересован в том, чтобы первую часть романа прочитали также Аксаковы. Обещая С. Т. Аксакову 5/17 июня, что она будет к нему «доставлена» после того, как закончит чтение Анненков, Тургенев просил адресата и его сыновей сказать, что они думают о его романе.

В течение июня — августа 1853 г. с рукописью ознакомились и прислали Тургеневу свои критические замечания Анненков, С. Т. и К. С. Аксаковы, Боткин и Кетчер; читал ее также Е. Ф. Корш (см. ниже).

В целом положительно отзывались о ней Анненков в письме от 12/24 июня ¹⁶ и С. Т. Аксаков, который 4/16 августа писал Тургеневу: «Первая часть, как приступ к роману, очень интересна и возбуждает много мыслей и ожиданий» ¹⁷. Боткин, в противоположность С. Т. Аксакову, начинал свое письмо к Тургеневу от 18/30 июня указанием на то, что первая часть романа «читается без увлечения, потому что ни одно из лиц не возбуждает ни большого участия, ни большого любопытства» ¹⁸. О том, что образы Глафиры Ивановны и Чермака вышли у Тургенева, по-видимому, наиболее удачными, свидетельствовали в своих письмах почти все, ознакомившиеся с рукописью первой части романа. Так, Анненков в упомянутом уже письме отмечал с удовлетворением, что «...есть превосходные места, каковы все, где является Чермак, какова прогулка на ферму, какова сама барыня — тип новый и который, будучи разработан впоследствии, что несомненно, сделается еще выпуклее и оригинальнее».

По мнению С. Т. Аксакова, высказанному им в письме к Тургеневу от 4/16 августа 1853 г., в первой части романа «некоторые лица превосходны, как-то: Глафира Ивановна <...>, сосед Чермак и Василий Васильевич» ¹⁹. Даже Боткин, отмечая «бедность и неопределенность Дмитрия Петровича и Елизаветы Михайловны», указывал, что их «постоянно заслоняет собою яркое и несравненно сильнее всех нарисованное лицо Глафиры Ивановны». В заключение Боткин писал: «Очень хорошо задумано и начинается рисоваться лицо Чермака: но непонятно, почему имеет к нему такое доверие Глафира Ивановна. Прочие лица — легкие силуэты» ²⁰. К. С. Аксаков в письме к Тургеневу от начала августа отмечал, что «весь этот дом, с барыни до последнего слуги, <...> выразителен», что «одно из лучших мест» — начало первой части романа, в котором описывается, как «убирают барынин кабинет» ²¹.

Понравились друзьям Тургенева и описания природы в первой части романа. В частности, одобрял их Боткин, находивший в романе много художественных промахов: «...повествование тянется всё биографически, обстоятельно, добросовестно, трудолюбиво и рутинно и только изредка прерывают эту монотонность небольшие и всегда грациозные картины природы» ²².

Однако, несмотря на то, что Тургенев, по-видимому, действительно ярко и выразительно обрисовал в первой части своего романа помещичий быт, несмотря на то, что ему удалось такие бытовые персонажи, как Глафира Ивановна и Чермак, а также ряд второстепенных лиц (по мнению С. Т. Аксакова, француз Дессер, доктор. Леон,

бурмистр и Нилушка «очень хороши»), наконец, несмотря на мастерство, с которым были, видимо, нарисованы картины природы,— все-таки роман в целом не получился. Вышло, вероятно, то, чего боялся Тургенев, когда писал Анненкову, что «частности, отдельные сцены не спасут сочиненья». Косвенным подтверждением этого может служить сообщение Панаева Григоровичу от 10 июля 1853 г.: «Тургенев написал первую часть своего романа и прислал его для прочтения Коршу. Анненков, разумеется, в восторге от романа, но Корш и другие поговаривают, что с большими произведениями он справляется не так ловко. Я не читал ее, следовательно, не могу сказать»²³.

Неудача, которая постигла Тургенева при создании первой части его романа, объяснялась, главным образом, тем, что ему не удалось образы Дмитрия Петровича и Елизаветы Михайловны — представителей молодого поколения, с которыми связана была собственно романическая сторона произведения. Например, Анненков считал, что образ Дмитрия Петровича у Тургенева не получился достаточно определенным («...молодца Митю вы <...>, кажется, не дописали...»), так как в романе «пропущена» глава о его воспитании. Не понравилось Анненкову и то, что слишком подробно дана биография Елизаветы Михайловны. По его мнению, из нее «рано или поздно придется поубавить многое»²⁴. Боткин также находил, что Дмитрий Петрович «темен и неопределен» и что «такая же неопределенность <...> лежит и на лице Елизаветы Михайловны. Участие и любопытство, возбуждаемые ею — очень слабы»²⁵. Почти буквально в тех же словах отзывался об этих двух героях и С. Т. Аксаков: «Дмитрий Петрович как-то очень темен и несимпатичен» и «оба молодые люди, то есть Елизавета Михайловна и Дмитрий Петрович, особенно последний, не возбуждают участия, и это верный знак, что они очерчены неудачно». Как и К. С. Аксаков, он был недоволен наличием «любовной чумы» в первой части романа²⁶.

Неясность или неопределенность образов Дмитрия Петровича и Елизаветы Михайловны объяснялась прежде всего тем, что они не были выразителями каких-то общественных идеалов, передовыми деятелями эпохи. Это обстоятельство отметил К. С. Аксаков, писавший Тургеневу, что «из Дмитрия Петровича могло бы выйти самое замечательное лицо, на котором бы обозначился весь современный общественный вопрос. Общественный интерес, вот что должно быть задачей литературных произведений»²⁷.

Тургенев, который всегда с большим вниманием относился к замечаниям Анненкова и Аксаковых, обещал первому из них в письме от 15/27 июня 1853 г., что сократит «главу о лектрисе». «Что же касается до главы о воспитании Мити, — продолжал Тургенев, — то она в моем плане начинает 2-ю часть романа — и до половины уже написана — но после вашего письма я убедился, что ее надо поместить в первую часть». Отвечая С. Т. Аксакову, Тургенев писал 30 августа/11 сентября: «...в мою героиню (которую, впрочем, я всю переделаю) в сущности не влюбляется никто — и менее всех Дмитрий Петрович, который, напротив, ее так же капризно возненавидит».

Сопоставляя высказывания Тургенева о Дмитрии Петровиче с публикуемым планом романа, можно сразу заметить существенную разницу между ними. Это свидетельствует о том, что план был составлен значительно ранее, нежели Тургенев начал писать роман. В самом деле, в публикуемом плане вторая часть романа отнюдь не начинается главой о воспитании Мити, которая здесь вообще отсутствует. (Фраза «Описание Д. П.», вписанная карандашом, заканчивает в плане главу 9 первой части романа.) И если в цитированном выше письме к Анненкову Тургенев утверждал, что именно ею начинается в его плане вторая часть, то речь шла уже о каком-то другом, позднее составленном плане. Из публикуемого плана романа совсем не вытекает также и того, что к Елизавете Михайловне в сущности все остаются равнодушными, а Дмитрий Петрович даже возненавидит ее. Ведь в заключительной главе третьей части романа рассказывается о приезде в Москву для встречи с Елизаветой Михайловной и Дмитрия Петровича и Василия Васильевича!

От положительных отзывов Анненкова и Аксаковых резко отличались критические замечания Боткина, о чем уже говорилось, и Кетчера. Мнение последнего известно лишь в пересказе Тургенева, который 9/21 июля писал Анненкову: «...я получил от Кетчера письмо, в котором он изъясляет совершенное свое неудовольствие — говорит, что мой роман напоминает „Племянницу“ — особенно недоволен поездкой на

ферму и единоборством В<асилия> В<асильевича> с мужиком и находит только одно лицо удачным: Генеральшу <т. е. Халабанскую.— Л. Н.>. Под поездкой на ферму, очевидно, подразумевается та прогулка (*partie de plaisir*), которую затевает Глафира Ивановна (см. в плане главы 7-ю и 8-ю первой части романа). Однако ни о каком единоборстве Василия Васильевича с крестьянином здесь не упоминается.

На основании всего этого можно сделать вывод, что к началу работы над романом «Два поколения», т. е. к ноябрю 1852 г., у Тургенева уже существовал другой план романа, который, равно как и текст первой части, во многом отличался от того плана, который впервые здесь публикуется.

Огорченный отрицательными отзывами Боткина и Кетчера, быть может, также и Корша, Тургенев в цитированном выше письме к Анненкову от 9/21 июля признавался: «... время самообольщения заменилось для меня временем сильного сомнения в самом себе — и мне теперь долго нельзя будет взяться за перо. Нужно все-таки некоего роду опьянение, чтобы работать — а когда его нет — ничего не клеится». Анненков, защищая роман от критики Боткина и Кетчера, писал Тургеневу 14/26 августа: «...хотя бы вам пришлось переделать всю первую часть — переделайте ее, но дальнейшего развития интриги и замысла ни под каким видом не оставляйте. В них слышится живое трепетание жизни <...>, верьте мне. Сделайте их цензурнее»²⁸.

Ободренный поддержкой Анненкова, Тургенев писал ему 1/13 сентября: «А за роман я примусь, как только несколько огляжусь». «Оглядывался» Тургенев довольно долго. 14/26 ноября он сообщал С. Т. Аксакову, что везет в Орел свой роман, который во многом предполагает переделать: «Я немного охладел к нему, однако чувствую, что надо его кончить и развить те характеры и мысли, которые только еще обозначены в первой части». О том, что побывавший в Спасском И. С. Аксаков «поощрил» Тургенева продолжать работу над романом, писатель уведомлял Анненкова несколькими днями позже, 20 ноября/2 декабря 1853 г. Охлаждение Тургенева к роману «Два поколения» оказалось весьма продолжительным. Лишь 2/14 июня 1855 г. он сообщал С. Т. Аксакову, что хочет снова приняться за свой роман и «переделать его с основанья». А 20 августа/1 сентября того же года, когда уже написана была «большая повесть» (т. е. «Рудин»), Тургенев извещал Дружинина: «Я свой роман пока оставляю под спудом — в нем мне многое не нравится — надо всё это переделать».

Некрасов, желая напечатать в «Современнике» не только «Нахлебника» и «Постоялый двор», но и «Два поколения», 12 августа с. с. 1855 г. спрашивал Тургенева: «...а роман-то твой? Ты, кажется, о нем не думаешь, а я решительно утверждаю, что первые его четыре главы превосходны и носят на себе характер той благородной деятельности, от которой, к прискорбию, так далеко отошла русская литература»²⁹.

И позже редакторы «Современника» не оставляли надежды на появление первого романа Тургенева в их журнале. Об этом убедительно свидетельствует письмо к Тургеневу Чернышевского от 7 января 1857 г. Сообщая, что журнал находится в тяжелом положении, потому что Григорович, Островский и Толстой не выполнили своих обещаний, Чернышевский «умолял» Тургенева прислать роман «Два поколения» и тем «спасти его <„Современник“> от крайнего затруднения»³⁰.

Однако ни в «Современнике», ни в «Отечественных записках»³¹ роман «Два поколения» так и не появился. Он не был завершен Тургеневым, чему способствовали не только критические замечания друзей писателя, но и собственная его неудовлетворенность произведением. Есть основания предполагать, что Тургенев впоследствии уничтожил рукопись романа. Об этом имеются его прямые, хотя и противоречивые свидетельства. Так, 17 февраля (1 марта) 1857 г. писатель сообщал В. П. Боткину: «Третьего дня я не смею (потому что боялся впасть в подражание Гоголю), но изорвал и бросил в water-closet все мои начинания, планы и т. д.» А 26 сентября (8 октября) 1861 г. Тургенев писал Н. Х. Кетчеру уже более конкретно: «Помните, лет 7 тому назад — я вследствие твоего суждения, прибавленного к суждениям других, бросил один начатый роман в огонь...» «Сожженным» назван роман «Два поколения» и в письме к П. П. Васильеву от 14/26 июня 1870 г.³² Впрочем, по-видимому, рукопись «Двух поколений» если и была сожжена Тургеневым, то во всяком случае не полностью. Об этом свидетельствует не только отрывок «Собственная господская контора», напечатанный

Тургеневым в 1859 г., но и один из современников писателя — И. Павловский. Со слов самого автора он рассказывает, что описание сада из уничтоженного романа (см. главу 4-ю части 1-й плана) Тургенев впоследствии включил в «Новь»³³.

Как бы то ни было, в пору создания первого романа Тургенев понимал, что ему не удалось написать проблемное произведение, отвечающее на вопросы современности; его роман оказался посвященным лишь изображению быта и любовно-психологических переживаний.

Возможно, писатель сознавал, что даже название, данное роману, никак не оправдано, ибо проблема двух поколений, по существу, отсутствует — ни Дмитрий Петрович, ни Елизавета Михайловна никакой общественной проблемы в себе не воплощают. Наконец, Тургенев мог предполагать, что роман «Два поколения» будет трудно пройти через цензуру. Но если его первая попытка создать произведение большого жанра — роман не привела к положительным результатам, все же она сыграла определенную роль в становлении художественного метода Тургенева-романиста, явившись, наряду с работой над повестями, ступенью на пути к созданию «Рудина» и последующих романов.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Н. М. Г у т ь я р. И. С. Тургенев. Юрьев, 1907, стр. 157.
- ² «Культура театра», 1922, № 1-2, стр. 50.
- ³ И. С. Тургенев. (Центрархив). М.—Пг., 1923, стр. 3—9.
- ⁴ Соч. 1930, т. IV, стр. 229—231.
- ⁵ М а з о п, pp. 54—55.
- ⁶ Н е к р а с о в, т. X, стр. 121.
- ⁷ М а з о п, p. 102.
- ⁸ Там же, стр. 56.
- ⁹ «И. С. Тургенев». Сб. статей. Л., ГИХЛ, 1934, стр. 350—351.
- ¹⁰ Рукописи И. С. Тургенева. Описание. Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1953, стр. 13.
- ¹¹ А. Г. Ц е й т л и н. Мастерство Тургенева-романиста. М., 1958, стр. 72—73.
- ¹² Тург. АН. Сочинения, т. I, стр. 300.
- ¹³ Там же, т. V, стр. 372—373.
- ¹⁴ «Русское обозрение», 1894, № 10, стр. 488—489.
- ¹⁵ Тург. АН. Письма, т. II, стр. 418.
- ¹⁶ «Русское обозрение», 1894, № 10, стр. 489—490.
- ¹⁷ Там же, стр. 482.
- ¹⁸ БиТ, стр. 40.
- ¹⁹ «Русское обозрение», 1894, № 10, стр. 482.
- ²⁰ БиТ, стр. 42, 43.
- ²¹ «Русское обозрение», 1894, № 10, стр. 484.
- ²² БиТ, стр. 42—43.
- ²³ «Литературная мысль», II. Пг., 1923, стр. 195.— По-видимому, Е. Ф. Корш познакомился с рукописью романа через Анненкова, которому Тургенев писал 30 мая/11 июня 1853 г.: «...даю вам полное право прочесть мой роман, кому вы найдете полезным (Коршу, напр.), для отобрания мнений».
- ²⁴ «Русское обозрение», 1894, № 10, стр. 490.
- ²⁵ БиТ, стр. 40, 41.
- ²⁶ «Русское обозрение», 1894, № 10, стр. 483.
- ²⁷ Там же, стр. 486.
- ²⁸ Там же, стр. 497.
- ²⁹ Н е к р а с о в, т. X, стр. 232.
- ³⁰ Ч е р н ы ш е в с к и й, т. XIV, стр. 331.
- ³¹ О намерении Тургенева отдать роман в «Отечественные записки» — см. в его письмах к Краевскому 1855 г.
- ³² «Учен. зап. Казанского гос. пед. института», ист. факультет, вып. IV, 1941, стр. 188.
- ³³ I. P a v l o v s k y. Souvenirs sur Tourguéneff. Paris, 1887, p. 171.